

СТИХИ И ПРОЗА ГЕННАДИЯ АЛЕКСЕЕВА В РУКОПИСНОМ ОТДЕЛЕ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Публикация А. М. Мирзаева, Ю. Б. Орлицкого, М. В. Родюковой

Геннадий Иванович Алексеев,¹ поэт, архитектор, искусствовед, художник, родился 18 июня 1932 г. в Ленинграде. После окончания в 1956 г. архитектурного факультета Ленинградского государственного инженерно-строительного института (ЛИСИ) работал архитектором в проектной организации. В 1960—1963 гг. учился в аспирантуре ЛИСИ, работая одновременно в 1-м Проектном институте. После окончания аспирантуры был приглашен ассистентом на кафедру истории и теории архитектуры этого же института. По совместительству на протяжении нескольких лет занимался оформлением архитектурных объектов в Художественно-оформительском комбинате Ленинградского отделения художественного фонда РСФСР. После защиты в 1966 г. кандидатской диссертации по теме «О художественном синтезе современной советской архитектуры и монументально-декоративной живописи» преподавал на кафедре истории архитектуры, читал курсы лекций «Всеобщая история искусств», «История архитектуры периода капитализма», работал над темой «Художественный синтез в русской архитектуре конца XIX—начала XX веков».

10 марта 1987 г. Г. И. Алексеев скоропостижно скончался и был похоронен на Большеохтинском кладбище.

Литературным творчеством он начал заниматься с 1953 г. В 1962 г. им впервые было опубликовано в коллективном сборнике молодых поэтов «И снова зовет вдохновенье...» (Л., 1962) стихотворение «Турок». Но печататься как поэт он начал после сорока лет. Первая книга стихов Г. И. Алексеева «На мосту» вышла в 1967 г. при содействии М. А. Дудина. В 1979 г. его избрали членом Союза писателей СССР.

При жизни Г. И. Алексеев издал еще три сборника стихов: «Высокие деревья» (Л., 1980); «Пригородный пейзаж» (Л., 1986); «Обычный час»

¹ См. о нем: *Житинский А. Н.* Геннадий Иванович Алексеев. Послесловие издателя // *Алексеев Г. И.* Зеленые берега. Роман. СПб., 1996. С. 376—382; *Орлицкий Ю. Б.* 1) Долгий сон с продолжением // *Литературное обозрение.* 1991. № 11. С. 57—60. Рец. на кн.: *Алексеев Г.* Зеленые берега. Л., 1990. 336 с.; 2) Геннадий Алексеев и петербургский верлибр // *Новое литературное обозрение.* 1996. № 14. С. 284—292.

(М., 1986). Отдельные стихотворения публиковались в журналах «Аврора», «Нева», «Простор», альманахе «День поэзии. Ленинград», в коллективном сборнике «Новые голоса» (Л., 1973). После смерти вышли в свет подготовленные его вдовой М. Б. Алексеевой и друзьями роман «Зеленые берега» (Л., 1990), сборники «Я и город. Поэма, стихи, сонеты» (Л., 1991), «Чудо обыденной речи...» (Новосибирск, 2002), «Избранные стихотворения» (СПб., 2006), «Ангел загадочный» (М., 2007). Некоторые его произведения были опубликованы в коллективных сборниках «Антология русского верлибра» (М., 1991), «Будни великих строек» (М., 1988), «Время ИКС» (М., 1989), «Дофигаэдр» (Псков, 1992), в журналах и альманахах «Нева», «Сумерки», «Литературное обозрение», «День поэзии. Ленинград», «Контекст-9», «Петрополь». Были переизданы в миниатюрном виде книги: «Высокие деревья» (СПб., 2001), «Пригородный пейзаж» (СПб., 2002).

Значение творчества Г. Алексеева, как водится в России, стало очевидным только после его смерти, хотя и сейчас об этом замечательном литераторе знает очень узкий круг специалистов и любителей поэзии, в первую очередь — свободного стиха, которому Г. Алексеев отдавал в своем творчестве решительное предпочтение.

Несмотря на существенные оговорки, связанные прежде всего со степенью опубликованности литературного наследия поэта, даже тот массив текстов, который доступен на сегодня, позволяет, как нам кажется, говорить об определенных уникальных для русской поэзии 1960—1970-х гг. особенностях индивидуальной стихотворной поэтики Г. Алексеева.

Одной из особенностей русского свободного стиха было его зарождение и развитие в недрах классической силлаботоники. Именно в силу этого ранние опыты русских поэтов неизбежно содержат в своей структуре те или иные рецидивы более ранних стиховых систем.

Процесс кристаллизации чистой формы русского верлибра зафиксирован в целой гамме переходных форм, связывающий современный свободный стих с другими системами стихосложения. Из них Г. Алексеев решительно предпочитает варианты с метрической ориентацией; его путь к свободному стиху, как подтверждают ранние опыты 1960-х гг., он начинал с белого силлабо-тонического ямба, постепенно отказываясь потом и от слоговой симметрии текста.

При этом у поэта на протяжении всего творчества встречаются верлибры с отдельными случайными силлабо-тоническими строками, произведения, в которых такие строки попадают достаточно часто, и стихотворения, которые можно трактовать как факты полиметрии, так как в них отдельные фрагменты, обычно выделенные графически, написаны силлаботоникой, а другие — верлибром. Таким образом, можно говорить об отсутствии у Г. Алексеева строгой границы между чистым верлибром и разными формами внесения в стих силлабо-тонического метра.

Куда более строгим оказывается отказ поэта от рифмы: кроме свободного стиха, составляющего более 80 % метрического репертуара поэта (подсчеты сделаны по стихотворениям, опубликованным до 1996 г.), он обращается к белой силлаботонике и лишь в исключительных случаях — например, в сонетах — к рифмованному стиху.

Интересно, что практически все редкие случаи появления в стихах Г. Алексеева тонической упорядоченности напрямую связаны с использованием разного рода синтаксических фигур, в первую очередь — параллелизма.

С другой стороны, свободный стих Г. Алексеева можно назвать строфически упорядоченным: 90,6 % его верлибров разделены на фрагменты. Поскольку очевидно, что в применении к свободному стиху имеет смысл говорить не о строфах в традиционном силлабо-тоническом смысле, одну из важнейших характеристик которых составляет определенный тип клаузул и рифмовки, то мы будем называть такие фрагменты, отделенные пробелами, строфоидами. Как показывает анализ большого материала, в современном свободном стихе не существует предпочтения тому или иному типу строфоидов. То же можно сказать и о строфическом репертуаре верлибра Г. Алексеева: из 1789 строфоидов, содержащихся в нашем материале, ни один заметно не опережает остальные по частоте использования. Можно было бы предположить, что из них большей распространенностью могли бы характеризоваться строфоиды, имеющие четное количество строк по аналогии с традиционными строфами: двустихиями, четырехстихиями и т. д. Однако у Г. Алексеева такое предпочтение хотя и существует, но не является решающим: четнострочных строфоидов в целом у него 56 %; если же говорить о конкретных типах, то и тут преимущество двух- и четырехстрочников перед трех-, пяти- оказывается незначительным: двухстрочные строфоиды составляют 15,5 %, трехстрочные — 15,4 %, четырехстрочные — 17,5 %, а пятистрочные — 10,0 %. Очевидно, что на первом плане оказывается тут не подобие силлаботонике, а сам фактор малого и соизмеримого объема — то, что мы предложили назвать новой строфикой, постепенно складывающейся в недрах свободного стиха. В отличие от регулярной строфики традиционного стиха, свободная строфика предполагает чисто смысловой принцип строфовыделения, при котором традиционная стиховая конвенция оказывается недействительной.

Интересно проанализировать также основные типы строфоидной организации алексеевских полистрофоидов. И здесь предположение, что верлибр в той или иной степени должен имитировать организацию традиционного стиха, не оправдывается: из равных по объему строфоидов построено менее 2 % текстов, с использованием только двух типов строфоидов — около 10%. Еще примерно столько же стихотворений включают в свой состав на равных правах резко различающиеся по объему строфоиды. Но подавляющее большинство — почти 80 % стихотворений строится из относительно небольших по объему (1—5 строк) строфоидов, в то же время не стремящихся к точному выравниванию размеров.

Отличительную особенность строфической организации стиха Г. Алексеева составляет также ее осложненность использованием внутри строфоидов еще одного способа членения текста: выделения отдельных фрагментов с помощью отступа вправо от края строки. Причем здесь это — не еще один вариант лесенки, широко применявшейся в поэзии 1960—1970-х гг., а именно компонент строфической, вертикальной организации стихового целого. Мы предлагаем назвать эти фрагменты, не отделяемые пробелами, но безусловно противопоставляющие друг другу

фрагменты текста, квазистрофоидами. Показательно, что они встречаются практически во всех монострофоидных произведениях Г. Алексеева, что, строго говоря, ставит под определенное сомнение и их астрофический характер. Очевидно, что в связи с рассмотрением квазистрофоидов можно говорить о иерархической свободной строфике стихов Г. Алексеева. При этом необходимо отметить также, что в ряде стихотворений отчетливо обнаруживается и еще более сложная, уже четырехступенчатая иерархия, которую образуют, наряду со строфидами и квазистрофоидами, текстовые фрагменты, которые мы назвали бы квазистрофоидами второго порядка, т. е. расположенные с отступом вправо по отношению к квазистрофоидам.

Как уже говорилось выше, для свободного стиха вообще и для верлибров Г. Алексеева в том числе очень важным структурообразующим фактором становится логическое построение речи. Активизацию риторических речевых фигур в условиях отказа от традиционных средств создания поэтического стиля показал на примере «Александрийских песен» М. Кузмина еще В. Жирмунский в своей книге «Композиция лирических стихотворений». Чрезвычайно заметны разного рода риторические фигуры и в современном русском свободном стихе. Так, излюбленным приемом лирики Г. Алексеева становится нанизывание однородных членов и создание длинных перечислительных цепей. Это создает специфический эффект ясности, доказательности высказывания.

Очень многие стихотворения Г. Алексеева строятся также на сложной градации постоянно варьирующихся повторов. Вообще «Вариации» являются одним из излюбленных авторских жанров Г. Алексеева. При этом он часто создает две или более вариации на одну тему, объединяя их потом в циклы. Такие вариации могут быть объединены только темой или же представляют собой структурно подобные, но демонстративно разнонаправленные по смыслу тексты.

В связи с алексеевскими вариациями следует сказать и о роли циклизации в его творчестве. Примерно пятая часть анализируемых стихотворений объединена в авторски зафиксированные (т. е. собранные) циклы, включающие, как правило, небольшое число текстов — чаще всего от двух до четырех. Примером перерастания цикла самостоятельных стихотворений в поэмообразное образование предстает состоящее из одиннадцати частей «нечто похожее на поэму» «Тебе и себе» (1972—1973).

Творчество Г. Алексеева представляется также чрезвычайно заманчивым объектом исследования с точки зрения реального взаимодействия в нем стиха и прозы. Действительно, видимая прозаичность речевого строя, характерная, как принято считать, для свободного стиха, оказывается тем не менее не вполне той же самой, что в настоящей прозе. С одной стороны, это нетрудно увидеть на материале алексеевского романа, в котором несколько раз происходит сгущение прозаической речи до стихоподобного состояния, причем ориентиром этого подобия выступает алексеевский же свободный стих с его системой повторов и кружений над темой.

Первый такой фрагмент появляется в «Зеленых берегах» уже на первой странице, в самом начале повествования при описании города. Правда, в этом случае описание не завершается острой кодой, столь характерной для большинства логически завершенных стихотворений Г. Алексеева, — в ре-

зультате полное стихоподобие все же не создается, а стиховое напряжение постепенно разряжается. Отличным от стиха оказывается и то, что большинство фраз в алексеевской прозе принципиально длиннее употребляемых в его стихах, где напряженная дробность речи создается не только за счет двойной сегментации, но и за счет использования коротких параллельных фраз.

Когда же такие параллелизмы возникают в романе, они помогают выделить в его прозаической ткани достаточно точные аналоги алексеевского верлибра. Вот пример такого «искусственного» стихотворения, выделенного из «Зеленых берегов»:

«Сердце мое
мгновенно становится легким,
как праздничный воздушный шарик.
Вырвавшись из моей груди,
оно взмывает к потолку,
стучается об основание люстры
и отскакивает в угол.
Там оно висит,
чуть подрагивая,
розовое,
округлое
и довольно приятное на вид.
Ну вот, — думаю, —
теперь его доставать придется,
лестницу придется искать.

Редактор глядит на потолок,
замечает сердце
и улыбается доброй,
вполне человеческой,
нередаторской улыбкой.

— Возьмите палку!
Вон она там, в другом углу.
Мы ею шторы задвигаем».

Формально перед нами вполне полноценный алексеевский верлибр, стать самостоятельным текстом ему мешают только прочные контекстуальные связи с романом и характерное для всякого фрагмента целого отсутствие логической и интонационной завершенности. Подобных примеров в романе можно найти около двух десятков. При этом они ничуть не разрушают целостности прозаического текста, лишь демонстрируя его неразрывную связь с поэтическим творчеством главного героя, ни одно из стихотворений которого при этом не приводится в романе даже в отрывках.

Попытка же обратного эксперимента — превращения алексеевских верлибров в прозаические миниатюры — приводит к куда менее симпатичным, но в силу этого отнюдь не менее показательным результатам: получается чрезвычайно вялая, аморфная проза, перенасыщенная лишними повторами, и только.

Рядом с искусственными преобразованиями стиха в прозу и обратно, вполне убедительно, как нам кажется, демонстрирующими неадекватность

используемого речевого материала, можно рассмотреть еще один эксперимент подобного рода, проводимый уже самим автором. Это — любимые Г. Алексеевым верлибры с несомненно прозаическими эпитафиями, которые затем естественно входят в ткань стиха.

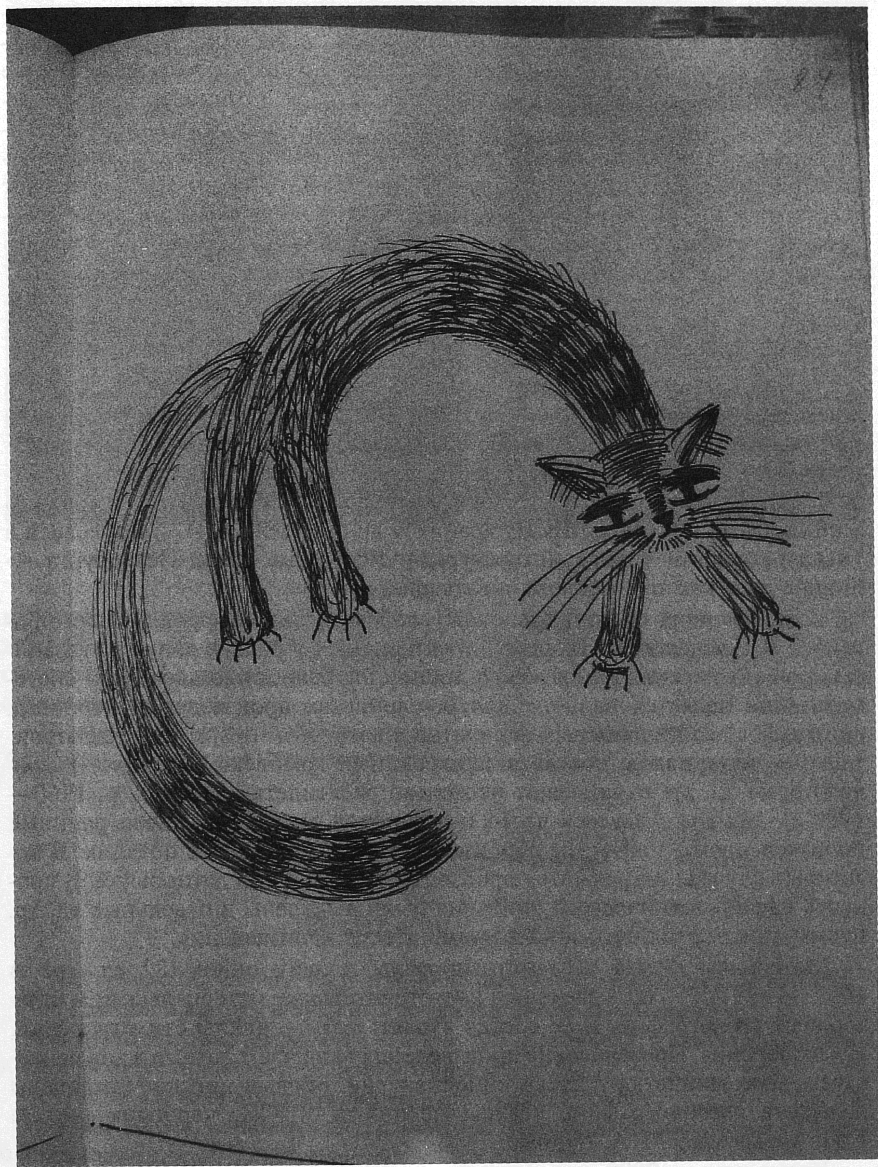
В этом ряду можно назвать, например, стихотворение «Погребение поэта» с эпитафией из воспоминаний И. И. Васильева о А. С. Пушкине: «Был ли кто при погребении поэта, кроме одного полицейского чиновника, сведений не имеется». Текст стихотворения начинается несколько измененной фразой эпитафии: «Был ли кто при погребении, / кроме одного полицейского чиновника / с распухшей от флюса щекой?», которая затем, еще более варьируясь, появляется в начале пяти из шести строфоидов. Тут мы имеем дело с простейшим случаем: чужой прозаический текст превращается в поэтический, становясь элементом повтора, т. е. максимально активной стихообразующей части текста.

Сложнее происходит превращение и обыгрывание эпитафий из Камю, Ясперса и Кьеркегора в «Вариациях на экзистенциалистские темы» (1979) и в циклах «На темы Ницше» и «На темы Евангелия», где само понятие темы в значительной степени сближается с музыкальным: перед нами — словесные вариации, развивающие и обыгрывающие тему-цитату.

В связи с творческой практикой Г. Алексеева можно упомянуть характеристику современного свободного стиха, данную во внутренней рецензии на его рукопись И. Бродским (1969). «Не обладая основным формальным признаком поэзии — рифмой, стихи, представленные в данной рукописи, имеют к поэзии самое непосредственное отношение, — пишет один из наиболее ярких представителей неоклассического направления в современной поэзии. — Это, так сказать, родное дитя без портретного сходства. Стихи эти написаны свободным стихом, так называемым „верлибром“, который еще не завоевал себе в русской поэзии ни места, ни популярности, ибо чрезвычайно трудно добиться того, чтобы строки „держались“ сами по себе, без поддержки рифм и твердого метра. Это мало кому удавалось, и глаз и ухо русского читателя к „верлибру“ пока еще непривычны. Едва ли в русской поэзии „верлибр“ может рассчитывать на большое будущее, но право на существование он имеет наравне со всеми другими формами организации речи. Тем более он имеет это право, когда он обладает такой выразительностью, как у Г. Алексеева.

Стихи Г. Алексеева читаются так же свободно, как если бы они были написаны любым рифмованным четырехстопником, но без тех гармонических (и в общем лишних) ассоциаций, которые связаны с любым часто употребляемым метром. Поэтому взгляд наш становится как бы пристальней, и пристальность эта вознаграждается. Главный эффект, производимый верлибром, это — чудо обыденной речи. То есть это даже не главный эффект, а главное средство. Мы видим доселе не замечавшуюся нами пластику обыденных оборотов, их своеобразную гармоничность, и тем самым наше отношение к словам, к собственной ежедневной речи становится глубже, точней, чувством речи и сама речь углубляются.

Рифма и метр, обеспечивающие гармонию, с успехом заменены в стихах Г. Алексеева диалектикой сюжета, пафос — точностью слов, эффектные концовки — логикой мысли».

(№ 36, л. 84)

Среди современных питерских поэтов авторитет Г. Алексеева достаточно велик, поэтому вполне можно говорить также о реальном присутствии в петербургском поэтическом пространстве школы Алексеева, что не подразумевает, разумеется, подражательности, но предполагает последовательное использование суммы приемов, наиболее детально и целенаправленно разработанных основателем современного питерского верлибра. При этом свободный стих в разной степени интенсивности используют и многие другие авторы, никоим образом не ориентированные ни на алексеевскую структурно-жанровую модель верлибра, ни на романтико-иронический пафос его лирики.

* * *

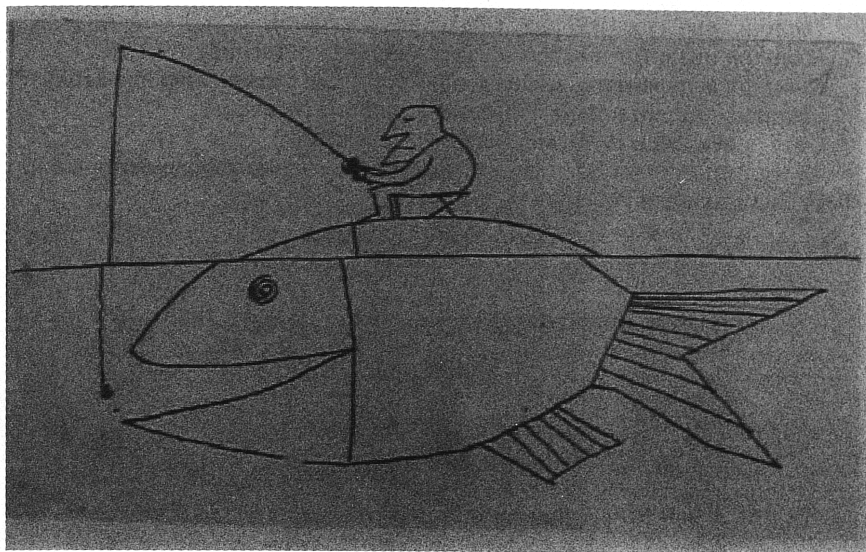
Архив Г. И. Алексеева был передан в Рукописный отдел вдовой поэта Алексеевой Майей Борисовной в 2001 г. накануне ее отъезда в Израиль на постоянное место жительства. В 2004 г. после научно-технического описания фонд Г. И. Алексеева (868) стал доступен для исследователей. В архиве Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (бывший ЛИСИ) хранится личное дело Г. И. Алексеева, а в Государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга — личное дело как члена Союза писателей.

Большая часть единиц хранения (особенно стихотворения) сформирована Г. И. Алексеевым. Творческие материалы собраны в папки с указанием хронологических рамок. Характерной особенностью авторской систематизации является наличие для большинства произведений черновых автографов, машинописных вариантов с авторской правкой и подготовительных материалов, составляющих единый комплекс. Хронологически некоторые ед. хр. охватывают несколько десятилетий (например, 1960—1980-е), так как Алексеев часто использовал листы со своими ранними произведениями в качестве оборотов для написания более поздних. В некоторых случаях встречаются произведения с двойной датировкой. В процессе научно-технического описания были выделены в отдельные ед. хр. поэмы, циклы стихотворений и прозаические произведения.

Материалы фонда систематизированы в одну опись (82 ед. хр. за 1957—1987 гг.) — произведения, подготовительные материалы к ним и материалы к биографии. В ее состав входят: поэмы, циклы стихотворений, стихотворения, Прозаические произведения включают разные жанры: рассказы, эссе, миниатюру, пьесу, киносценарий. Биографические материалы содержат автобиографию, тезисы лекций в ЛИСИ, черновик письма Г. И. Алексеева к М. А. Дудину.

Кроме того, в 2000-е гг. фонд пополнился также большим собранием стихотворений Г. Алексеева в электронном виде (в основном 1970-х гг.), подготовленным поэтами А. Мирзаевым и А. Масловым, близко знавшими Алексеева и бывшими его учениками (на дискете и в распечатке), CD с записью так называемого Ташкентского архива поэта (фотокопии автографов и выстроенное в алфавитном порядке названий собрание стихов Алексеева, переведенных в электронный вид с указанием места публикаций), комплектом ксерокопий машинописи стихотворений Алексеева, подарен-

(№ 35, л. 90)

ных автором литературоведу и поэту Ю. Б. Орлицкому с автографами на каждой странице и дарственной надписью, аудиокассетой с записью авторского чтения Алексева. Эти материалы находятся в процессе обработки и описания.

В предлагаемой подборке даны образцы стихотворений Геннадия Алексева разных лет. Сохраняется авторская орфография и пунктуация.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ГЕННАДИЯ АЛЕКСЕЕВА

ИЗ АВТОБИОГРАФИИ

Достаточно образован, но языками не владеет (ему хватает и русского).

За границей не был и туда не стремился (видимо, патриот).

Ни в чем не участвовал, ни к чему не привлекался, никуда не избирался и ни к чему не примыкал — всегда был в сторонке.

Вспыльчив, необщителен, нерешителен и самолюбив.

Любит кошек, живопись кватроченто, венгерский токай и большеротых блондинок.

Пьет умеренно (возможно, по причине бедности).

Известен в узких кругах.

Появился на свет в неуютное время — в 1932 году.

Отец был военным, мать — женой военного.

До 1941 года был «гогочкой». Во время войны скитался по Северному Кавказу и Средней Азии, ночевал в бомбоубежищах, голодал, болел, воровал и отирался на толкучках.

В 1948 году решил стать писателем.

Окончил школу в 1950 году (довольно успешно).
Окончил институт в 1956 году (весьма посредственно).
Окончил аспирантуру в 1963 году (несколько неожиданно для себя).
Защитил диссертацию в 1966 году (с грехом пополам).
Стал доцентом в 1975 году (вполне заслуженно).

42 года прожил на Васильевском острове в сыром городе, который некогда был столицей Российской империи.

(№ 80, л. 1—4)

СТИХОТВОРЕНИЯ И МАЛАЯ ПРОЗА 1960—1980-х гг.

SILENTIUM

Вчера я был на кладбище,
На братском кладбище,
Одном из многих.
Длинные широкие холмы.
На каждом
Белый камень.
Цифры
1941—1942.
И больше ничего.
Трава подстрижена.
Скамейки.
Дорожки,
Посыпанные рыженьким песком.
Кое-где
Букетики цветов
Положены на край могилы.
И все так мирно,
Тихо
И красиво.
Не верится!
Не верится, что здесь, —
Два метра вниз, —
И кости,
Кости,
Бесчисленные черепа
Без имени,
Вплотную,
Ряд за рядом,
Слоями,
Тысячи...
Они ведь тоже
Любовались небом,
Цветами
И архитектурой.

Смеялись,
Читали книги
И мало думали о смерти...
Вот это —
Это был скрипач.
Он жил один
И мертвым пролежал в постели
В промерзшей комнате
Неделю.
Два паренька,
Похожие на стариков,
Снесли останки музыканта
По скользкой лестнице
К машине
И запихнули в кузов,
Среди таких же,
Подобранных на улице
И в вымерших домах.
А вечером
В буржуйке
Они сожгли его немую скрипку
С причудливым
Старинным вензелем на грифе.
Её хватило
На две кружки кипятку...
Вот, рядом
Скелет подростка.
Он был убит на Кировной,
Когда ведро воды
На санках
Вёз с Невы.
Мечтал он стать врачом
И отыскать лекарство
От рака.
И еще любил он
Писать стихи.
Они не очень, правда,
Были хороши,
Но автору всего пятнадцать
Исполнилось бы в марте...
А дальше
Лежат скелеты женщины и девочки.
Когда мать умерла,
Дочь не могла уже
Кричать.
Она жила еще два дня.
Их завернули в одеяло.
Вместе

Весили они
Чуть больше девочки одной
Одиннадцатилетней, довоенной...
Дальше
Мужчины,
Дети,
Старики,
Рабочие,
Художник,
Канторский служащий,
Шофёр...
Быть может,
Видел я их лица
В троллейбусе,
В театре,
На первомайской демонстрации,
На пляже в Сестрорецке,
В Эрмитаже,
В Петергофе...
Где-то здесь
Лежит мой дед.
Он был простым рабочим
На «Скороходе»
Сорок лет.
Он отравился,
Съев мездровый клей:
Есть больше было нечего.
Я даже приблизительно не знаю
То место,
Где он погребён.
О, ленинградцы,
Земляки мои!
Как много вас!
Как много человеческих надежд
Зарыто здесь
В чудовищных могилах!
Прошло пятнадцать лет,
И так же
Идут осенние дожди над Ленинградом
И каждую весну
Грачи вьют гнезда на вершинах лип
В Михайловском саду.
Давно уже исчезли
Последние руины.
На Невском нет теперь трамваев,
И больше стало
Цветов на улицах.
Вы знаете,

Перед Казанским
Цветут великолепнейшие розы
Пурпурные и чайные
Величиной с ладонь мужчины!
И всюду,
Всюду жизнь!
И я, живой,
Стою здесь, рядом с вами,
И ветер
Шевелит мне волосы.
А по дорожке
Котенок серый
(Кладбищенского сторожа)
Крадется к бабочке,
Сидящей на песке.
Но он неопытен в охоте,
И бабочка уже далеко,
А он, обиженный,
Стоит с поднятой лапкой
В изящной позе маленького тигра...
О, Ленинградцы!
Земляки мои!
Слова бессильны.
Простите мне
Молчание моё!

(№ 12. Черновой автограф. 1960-е. 6 л.)

СОН В МАЙСКУЮ НОЧЬ

В день победы вышли все скелеты из братских могил. Потоками текли они к центру города. Скелеты в рваном наряде, в простынях, в одеялах. Один из скелетов схватил меня за руку: я тороплюсь. Я девушкой была, меня звали Анной. Я тороплюсь. Мне нужно рассказать, пусть знают люди. Я знаю, вы поэт. Напишите поэму о нашей любви. Я тороплюсь. Стук костей. Простите, вам не страшно. Вы не бойтесь, я не пахну, всё давно сгнило. Я была красива. У меня были золотые волосы и серые глаза. Рискну о любви. О нём и о себе. Потом меня бросили на грузовик и закопали. И я его никогда не видела. Помогите мне найти его. Он жил на Моховой. Скажите, я лежу на Серафимовском, пятая траншея от ограды, в метре от юго-западного угла. Пусть он придет. Простите. Я тороплюсь. Пора! Прощайте!

(№ 12. 1960-е. 1 л.)

ПЕС

все мы — несчастные сукины дети —
сказал Уильям Фолкнер —
и он был прав!

по воле случая рожденный псицей (сукой)
в один прекрасный теплый летний вечер
по воле случая!

он ловит блох
держит уши торчком

с веселым видом
он подбегает к воде
лает на волны
рычит на...
прыгает
самозабвенно машет хвостом
и отряхивается

скалит зубы
поджимает хвост
и иногда подымает ногу
на ствол липы
тополя
или клена
или на столп городского фонаря

словом ведет себя в соответствии с инструкцией
о поведении купающихся
в местах свободного неорганизованного купания

дайте ему волю!
дайте только ему волю!
только дайте, только дайте ему волю!

милый песик
хорошая большая псина
отличнейший псище!

но отвернулся от меня и побежал прочь
увидев красивую юную псицу

кобель проклятый!

как же!
дадут ему волю!
не дождется он ее
не дождется!

что это?

за кем оно гонится
созвездие Гончих псов?

то пса любимого
плачевные останки

их много

пластмассовый
смешной игрушечный плюшевый пес
огромный злющий пес на цепи
что он охраняет?
что?

веду пса на поводке
и в наморднике
пес недоволен
он норовит лапой снять намордник

и пес-монгол с раскосыми глазами
и пес-монгол, Руси поработитель
и русский пес
по-матерному лающий
и русский пес
влюбленный в свою цепь

бродячий жалкий пес
свободный гордый пес
бездомный

мокрый пес
мокрый пес
совсем вымок
на улице дождь

но запах неприятный —
псиной пахнет

собачьи следы на пыльной дороге

всю жизнь
мечтал о хорошем большущем псе
и всю жизнь
у меня его не было

собачья выставка
выбираю себе пса

все псы вселенной
лают по утрам
мне в ухо

и в хоре песьих голосов
один
знакомый
милый голос

созвездие Гончих псов
за кем они гонятся
я спрашиваю —
за кем они гонятся?

каждое утро белокурая девочка лет двенадцати —
вылитый ангел
прогуливает кофейного доберман-пинчера
у меня под окнами

друзья мои
прекрасен белый пес
и черный пес
друзья мои
прекрасен
и пегий пес
и пегий пес неплох

все остальное
сухая чепуха
все остальное
чушь собачья
все остальное
вы и так знаете

и простите мне баловство
оно невинно

созвездье Гончих псов
кого-то настигает
кого-то загрызет
созвездье Гончих псов
этой ночью

представим себе
такую картину:
я сижу у камина в кресле
рядом сидит мой верный пес
где-то пропел петух
скоро утро
я не сплю
и мой пес тоже
где-то второй раз пропел петух
я бодрствую
и мой пес тоже
где-то в третий раз пропел петух
но мы с моим псом
не смыкаем глаз

камина в сущности нет
но кажется что он есть
такое обманчивое впечатление
а петухи по сути дела не поют
но чудится что они орут во все горло
такое обманчивое ощущение
мы с моим псом
в сущности мертвы
но выглядим как живые
такой обманчивый у нас вид
кажется
возникает вопрос
что же не обманчиво в этом мире?
кажется что он возникает
но в сущности
он возник давно
в глубочайшей древности

кажется
что это поэма о псе
но в сущности
она обо всем
решительно обо всем —
о чем хотите

(№ 23. Машинопись с правкой автора. 3-й лист по авторской пагинации отсутствует.
1970-е. 3 л.)

ПЬЯНЫЙ РИСОВАЛЬЩИК

Княгине Миле

1. В АНТРАКТЕ

закончился
второй акт моей жизни
и предо мною
опустился плотный занавес
из прямых женских волос
непонятного цвета

то ли цвета свежего снега
пасмурным мартовским утром
то ли цвета перистых облаков
в безветренный июльский день
то ли цвета молодого жемчуга
добываемого у берегов Японии
то ли цвета сентябрьских сумерек

отраженных в озерах Карельского перешейка
— трудно понять

разглядываю занавес
трогаю его
шевелю руками
но раздвинуть не решаюсь

кажется
антракт будет долгим

2. КАК Я ВЛЮБЛЯЛСЯ

я говорю ей:
не мешайте мне
я занят важным делом
я влюбляюсь
я говорю ей:
не отвлекайте меня
мне нужно сосредоточиться
я же влюбляюсь
я говорю ей:
подождите немного
мне некогда
я же влюбляюсь в вас

я должен влюбляться в вас
внимательно
мне надо здорово в вас
влюбиться

ну и как? — спрашивает она
— получается?
— ничего, говорю
все идет как по маслу
— ну что? — спрашивает она
— уже скоро?
— да, да, говорю
только не торопите меня

— ну скорее же, скорее! —
говорит она
— мне надоело ждать!
— потерпите еще немножко —
говорю я
— куда вам спешить?
— но почему же так долго! —
возмущается она —

так ужасно долго!
— потому что это навсегда —
говорю я —
потому что это навеки
— ну, теперь-то уже готово? —
спрашивает она
— сколько можно тянуть?

да, уже готово! —
отвечаю я
и гляжу на неё
влюбленными глазами

не глядите на меня так! —
говорит она
— вы что, с ума сошли?

3. ВЫБОР

среди тысяч медлительных
знавших любовь
многоопытных женщин
и девушек резвых
с пушком на округлых щеках
я выбрал её

и я поставил её
на высокий пьедестал

она стоит там
и поправляет волосы
слегка смущенная
но ничего
скоро привыкнет
она стоит там
и смотрит на меня сверху
слегка испуганно
но не беда
скоро осмелеет
а я гляжу на неё снизу
и удивляюсь

вот оно
это существо
с глазами цвета крепкого кофе
вот оно
это существо

с подмышками пахнущими корицей
вот оно
это существо
которому нет подобных!

вот она стоит
и улыбается довольная
ей уже нравится
на пьедестале

4. РОЗОВОЕ ОБЛАКО

мне почудилось
что я влюбился
и тотчас
на город
опустилось густое розовое облако

и все предстало передо мною
в розовом свете:
история раннего средневековья
океанский лайнер у пирса
фасад психиатрической больницы
и цистерна с хлебным квасом

гляжу на небо —
оно розовое
а ведь было между прочим
голубым!
гляжу на траву в сквере —
она густо-густо розовая
а ведь была когда-то
ярко-зеленой
гляжу на девиц
гуляющих по набережной —
на каждой розовое платье
а ведь раньше
платья были разные
желтые
белые
и синие

прихожу к главному врачу
и говорю: помогите!
мне ведь только почудилось!

увы

не почудилось! —
говорит врач
и пишет мой диагноз
на розовой бумаге

5. ЕЁ ИМЯ

я бродил по лесам
уже тронутым осенью
и кричал её имя

и сосны притихнув слушали
и сосны молча прислушивались
и папоротник слушал затаив дыхание
и белки на ветках прилежно слушали

совершенно охрипнув
я умолк
и уехал в город

через неделю стало известно
что обнаружено странное явление природы:
все леса
в районе поселка Сосново
твердят как безумные
одно и то же женское имя

успокоить их
никак не удастся

6. ХВАСТУН

стоит мне захотеть —
говорю —
и я увековечу её красоту
в тысячах гранитных
    бронзовых
    и мраморных статуй
и навсегда останутся во вселенной
её ноздри
и узенькая ложбинка
снизу между ноздрей —
стоит мне только захотеть!

экий бахвал! — говорят
— противно слушать!

стоит мне захотеть —
говоря —
и тысячелетия
будут каплями стекать
в ямки её ключиц
и высыхать там
не оставляя никакого следа —
стоит мне лишь захотеть!

ну и хвостун! — говорят
— таких мало!

тогда я подхожу к ней
целую её в щеку
и её седые волосы
начинают светиться
мягким голубоватым светом

они глядят
и глазам своим не верят

7. НОЧЬЮ

ночью я просыпаюсь в сомнении:
неужели и впрямь
существует белый столп её шеи
с двумя тонкими складочками
у подбородка?

я включаю свет
разглядываю её фотографии
и убеждаюсь —
да
существует!

ночью я просыпаюсь в страхе:
неужели и впрямь
исчезнут когда-нибудь
пятнышки оспы
на её левом предплечье
и само предплечье
исчезнет навеки?

я встаю
подхожу к окну
и гляжу на прозрачные облака
освещенные лунным светом —
нет
не исчезнет!

8. ОКРЫЛЕННЫЙ

легко ли мне?
мне тяжело
я лежу
придавленный плитой тысячетонной
и думаю о странностях природы
и о случайности —
владычице судеб

легко ли мне?
да, да, мне так легко!
и я взлетаю
и парю над крышами
стараясь ненароком не задеть
телеантенны и печные трубы
и долго так летаю и смеюсь
и наслаждаюсь чувством невесомости

о, милая
взгляните на меня
как я летаю
окрыленный странным чувством
которое порою посещает
и самые бесчувственные души
которое порою в этих душах
располагается надолго
а порою
и остается в этих душах
навсегда

9. ПЬЯНЫЙ РИСОВАЛЬЩИК

серьезно пьяный рисовальщик
чрезмерно пьяный рисовальщик
смертельно пьяный рисовальщик
что-то
рисует

еле сидит
но рисует
вот-вот упадет
но упорно рисует

он рисует неожиданность
он рисует неизбежность
он рисует непостижимое
он рисует лицо своей возлюбленной

он вырисовывает
её зрачки
её веки
уголки губ
и маленький бугорок на подбородке

возлюбленная его далеко
но он рисует её наизусть
то ли он напился от любви
то ли он пьян любовью

понюхайте его рисунок
он должен чем-то пахнуть
то ли великой нежностью
то ли дешевым вином

но вот рисовальщик
роняет голову на грудь
и засыпает

в булочную привезли хлеб
в Париже пошел дождь
на солнце появилось пятно
и крепко спит пьяный рисовальщик

в гараже моют автобус
в Рейкьявике идет снег
на луну упал метеорит
и сладко спит влюбленный рисовальщик
проспится ли он?

поглядим

10. В ЭТОМ МИРЕ

оказавшись
в этом сложно устроенном мире
я восхищался
безногим и одноруким инвалидом
который очень ловко передвигался
с помощью единственной руки

по ночам
я слушал сводный хор ангелов
который пел очень торжественно
к своему величайшему удивлению

я обнаружил здесь
её рот
её локти
и её голос

не ругайте при мне этот мир
воздержитесь

сентябрь 1972 года

(№ 29. Машинопись 2 экз. На л. 6 об., 7, 7 об., 8 и 8 об. — правка автора. 16 л.)

* * *

«О, рассмейтесь, смехачи!»

В. Хлебников

Посмеемся
Над этой дурацкой планетой!
Похохочем
Над тупостью звезд несуразных,
Над величием дутым,
Над трагизмом отпетым
Смехом смачным,
Утробным
И разнообразным!
Задохнемся,
Зальемся
Над пустышкой-орехом,
Погогочем,
До плача
Над собственным смехом!

7.10.60

(№ 36, л. 6)

* * *

Я схвачен осенью
За воротник.
Она нашла меня, —
Разрыла гору книг.
И всё пропало,
Все пошло насмарку:
И пьяный По,
И сумерки Ремарка.
Она смеялась,
Ум мой приговаривая
Свариться заживо
В ее багряном вареве.

23. 9. 60

(Л. 5 об.)

Кто там родился?
Какой счастливец
Будет купаться
И лопать сливы,
Будем стихи сочинять
В вагоне,
Будем глядеть,
Как мальчик сопливый
Красную телку
Прутиком гонит.
Рыжий мальчишка
И тоже счастливый.
7.10.60

(Л. 6 об.)

ПОДРАЖАНИЕ ЛОРКЕ

Гитара.
Гитана.
Гранада
И гранды.
    Громко
    И грустно.
    Грозно
    И грубо.
Губы.
Глаза.
Голые плечи.
Горы
И гордое горе гитары.
    Ах, спляшем
    Ах, спляшем
    Под горе гитары!
    Ах, спляшем фанданго
    Под горе гитары!
(Л. 7)

ОБО ВСЕМ ПОНЕМНОГУ

(Цикл)

ПЛОЩАДЬ

Она поднос.
И город осторожно
Несет её
На вытянутых руках.
И чашкой кофе на подносе,
Угрюмый монумент.

ПОДЖИГАТЕЛЬ

Мне некуда отступать.
Вчера я купил коробок спичек
И сжег все мосты.
Пожарники спали.

МОСТ

Два берега
Он держит на ладонях.
По нему
Проходят женщины,
Пронесут губы.
Пронесут запахи духов
И волосы под шляпками
И многое другое.
Под ним
Проходят баржи.
Провозят песок,
Провозят дрова
И многое другое.
А льдины хищные
Грызут его колени.

МАРСИАНИН

Я вижу марсианина
И говорю ему:
— Здравствуйте,
Дорогой марсианин!
Почем фрукты на марсе?

1963

РЕКЛАМА

Какая пышность!
Сколько громких слов!
Кокетства!
Наглости!
И дружелюбия!

ЛЕГКО

Я легкий.
Я легко живу.
Дышу я легкими легко.
Легко смеюсь,
Старею полегоньку.
Дай, господи, мне
Помереть легко.
Тебе ведь это
Так нетрудно.
(Л. 7 об.—8)

СВЕТЛЫЙ СТИХ

Я вижу свет.
Свет.
Светляки.
Свечи.
    О, светлые умы!
    О, светочи науки!
Да будет свет!
Свет свят.
Святыня — свет.
Целую ночи света!
    О, слава свету!
    Слава!
Я свет возьму в охапку,
Спрячу свет
От похитителей.
Я спрячу его в сейф.
Запру на все ключи
И буду в темноте сидеть,
Спокойный
И счастливый.

1963

(Л. 9 об.)

* * *

О, эти юноши в очках!
Они опасны.
Они всё видят,
О многом знают.
О, хитрые,
О, мудрые очкарики!

Обезоружьте их
Сорвите с них очки!
Пока не поздно
Надо всех очкастых
Собрать
И выселить куда-нибудь подальше,
Пускай живут себе в сторонке,
Пусть глядят
В свои очки
Часами
Друг на друга.
(Л. 42)

* * *

Я вижу вечную весну.
Скучище, право!
Порхают бабочки.
Поют скворцы.
И лошади брыкаются игриво.
    И роза —
    Вот она —
    Пошлейшая красotka.
    Качается колючками грозья.
О, роза!
О, цветок!
    О, бесполезность!
Я нюхаю тебя.
Мой нос в пыльце.
О, роза
Разрешь тебя сорвать
Воткнуть в петлицу
И по Невскому пройтись
Нахальным современным футуристом.
Ручаюсь, роза,
Я пройду весь Невский.
И пусть плюют в меня.
Пусть будет все что будет.
О, бесполезность!

С Розою в петлице
Я подхожу к воротам.
Путь мой длинный
Усыпан розами.
Я босиком иду.
Следы кровавые
На розах не заметны
Лишь красными,
Лишь красными усыпан
Мой путь.
По прихоти садовника.
Я вижу!
Я вижу вечную весну.
Скучища, право!
Но розы,
Розы скуку разгоняют.
И весело.

(Л. 46)

ПРЯЧУЩИЕ

Есть у них что-то,
но не показывают —
прячут.

да покажите же, — говорю —
покажите!
но не слушают
все прячут что-то от меня
все прячут
думают, что не найду

да я и искать-то не стану
ерунду же какую-то прячут
знаю я их!

9.1.70

(№ 42, л. 1)

СКОРБЯЩИЙ ХРИСТОС

Скорбящий Христос
Сидит пригорюнясь,
Такой некрасивый — некрасивый!
Такой грустный — грустный!
Бросьте, — говорю я ему, —
Не переживайте!
Эти скоты

Достойны своей участи.
Так им и надо!
Я не о том, —
Говорит Христос,
Такое злодейство —
И всего за тридцать серебряников,
Он бы и больше мог получить, —
Я-то знаю
Ему сказали — тридцать —
Он и согласился.

16.7. 66

(№ 39, л. 13)

ВКУС СМЕРТИ

Тебе надо умереть,
Это в наших интересах! —
Советуют мне враги.

Тебе надо умереть.
Это в твоих интересах! —
Уверяют меня друзья.

Мне надо умереть,
Раз это всем на руку —
Думаю я
И пробую умереть.

Да ты не пробуй! —
Говорят мне друзья и враги, —
Ты возьми и умри!

А я не могу так, сразу.
Я все пробую и пробую
И никак распробовать не могу.

Вкус у смерти
Какой-то непонятный:
Ни кислый,
Ни сладкий,
Ни горький,
Ни солёный,
Но и не пресный —
Тут что-то не так,
Думаю я, —
Отец говорил мне,
Что по вкусу

Смерть напоминает моченое яблоко.
Правда, он умер зимой,
И свежих яблок тогда не было.

14.7.66

(№ 39, л. 1)

БЛОКУ

Он пришел бог весть откуда
И совсем неожиданно.

Он никак не мог понять
Куда попал
И мучился.

Поэтому он и ушел.

Его провожала женщина в черном,
Никто не знал, кто она такая
Но их и раньше
Часто видели вместе.

Некоторые полагают,
Что он не был человеком,
Что он был нечто.

(№ 36, л. 7)

ТИРАН

Тиран был прав.
Тиран всегда был прав.
И правил правильно.
Тиранил он умело,
тиранил так,
что все его любили
И преклонялись перед столь искусным
Тиранством.
Затираненный народ
Копал картошку,
Не смущаясь тиранией,
И поедал ее,
И было хорошо.

(№ 36, л. 81)

Я оглянулся. Снизу шел мурлыча
Спокойный кот в сверкающих манжетах.
В. Луговской

Когда я понял,
что спасенья нет,
я пригорюнился.
Мой кот Филимоныч
прыгнул ко мне на колени
и ткнулся мокрым носом
мне в щеку.
— Вот, брат, Филимоныч,
сказал я ему,
спасения-то, оказывается, нет.
Пропадем мы с тобой.
И вообще —
всё пойдет ко всем чертям.
Филимоныч улегся поудобнее
на моих коленях
и уснул.
Ему снилась
очень большая и почти пустая
вселенная.
Ему снилось,
что мы идем с ним
по этой вселенной,
он впереди,
я сзади,
и его хвост
развивается как знамя.
Мы идем с ним среди звезд
и прочих небесных тел.
Земли уже нет и в помине.
Она испарилась.
А мы спасены,
потому что, как оказалось,
только он, Филимоныч,
знал путь к спасению,
знал, но помалкивал.

13. 2. 65

(№ 36, л. 95)

СВЯТОЙ СЕБАСТЬЯН

Я подошел к святому Себастьяну,
утканному стрелами,
вытащил из его груди одну стрелу,
рассмотрел её
и воткнул обратно.
Ох! — сказал святой Себастьян,
нельзя ли поосторожнее,
молодой человек!
Не притворяйтесь, —
сказал я,
вам не так уж больно!
Если хотите,
за умеренную плату
я научу вас прилично страдать.
Хам! —
сказал святой Себастьян,
в тебе нет ничего святого.
И закатил глаза к небу.

(№ 36, л. 99)

НА СМЕРТЬ ПРЕЗИДЕНТА

Стреляют в президента Соединенных Штатов.
Умер президент Соединенных Штатов.
Хоронят президента Соединенных Штатов.
Весь мир любитесь этим редким зрелищем.
Весь мир в восторге от этой роскоши.
Весь мир покрывает от удовольствия.
Почему так редко убивают президентов.
Неужели это так трудно?

(№ 36, л. 40)

ШАХМАТНЫЕ ИСТИНЫ

Надо иметь мужество
быть пешкой.
Надо быть мужественным
и не быть пешкой.
Надо быть мужественной пешкой
и пробираться в ферзи!
Надо стать ферзем
и съесть все остальные пешки,
чтобы не пробрались в ферзи.

(№ 36, л. 113 об.)

МОНОЛОГ

Это — издевательство!
Да, это издевательство.
И это издевательство!
Да, и это!
Кругом — сплошное издевательство!
Да, кругом сплошное издевательство.
И раньше тоже было издевательство!
Да, и раньше было издевательство.
И после тоже будет издевательство!
И после, тоже.
Да что Вы все поддакиваете.
Это ведь тоже издевательство!
Нет, это
Выходит, что от издеательства
и спасенья нет!
Выходит так!
А не издеваетесь ли Вы надо мной!
(№ 36, л. 114)

* * *

Мой знакомый
ужасный соня.
Он спит
по двенадцать часов в день.
Мой знакомый
любил поспать
и знал толк в этом деле.
Он был женат,
детей у него не было.
Но во сне
к нему приходила возлюбленная.
Так, во сне
она родила ему мальчика и девочку.
Мальчик вырос
и стал Артюром Рембо,
а девочка
стала Клеопатрой.
Мой знакомый
был ужасно горд
своими детьми во сне.
Наяву он без конца
перечитывал стихи Рембо
и ненавидел Августа.
Когда мой знакомый умер,
за гробом,
рядом с женой,

шла его возлюбленная,
которая оказалась
обыкновенной продавщицей
из магазина канцелярских принадлежностей.
Ее держали под руки
молодой человек в цилиндре
с нервным и нагловатым лицом
и роскошная красавица
в восточном духе —
вся увешанная драгоценностями.
(№ 36, л. 114 об.)

ПОКУШЕНИЕ НА ГЕНИАЛЬНОСТЬ

Каждый час
происходит покушение на гениальность.
Преступников ловят,
судят,
наказывают.
Но каждый час
оно происходит —
это бесконечное покушение на гениальность.
(№ 36, л. 121)

* * *

Душа у меня голая,
а ветер холодный, северный.
Душа моя совсем продрогла.

Душу мою раздели
ночью в темном переулке.
Она кричала,
но поблизости никого не было.

Душа моя
трясется от холода
и зуб на зуб у нее не попадает.

Подошла к ней
какая-то женщина с авоськой.
— Ах — ты бедная, — говорит,
совсем-то ты голенькая!
Да и то хорошо!
Могли ведь и изнасиловать!
(№ 36, л. 124 об.)

* * *

Красоту распинали.
Тщательно заколотили гвозди,
Отошли в сторону и посмотрели.
Красиво! — сказали
и ушли.
Красота умирала медленно.
Прилетели вороны.
(№ 36, л. 125 об.)

* * *

Девки поют.
Ах, как протяжно
девки поют
вдалеке.

Девки поют про любовь.
Сладко,
ах, как сладко
девки поют про любовь.

И так хочется
любить кого-то,
любить этих девок.

И хочется попросить,
чтобы они всю жизнь
пели где-то вдалеке.

Всю жизнь
где-то вдалеке
будут петь эти девки
про любовь.
(№ 36, л. 127)

* * *

И ты,
убийца лохматый,
с ножом в заскорузлой руке.

И ты,
убийца неловкий,

И ты,
убийца красивый,

И ты,
самый лучший убийца,

Все вы,
меня убивая,
будьте самими собой,
будьте моими убийцами,
будьте простыми убийцами
и добряками не будьте.
Я вас не обманываю:
со мной пора кончать!
Мой час пробил.

(№ 36, л. 133)

* * *

Утром прибежал ко мне знакомый
и сказал:
Ты знаешь, царевича Дмитрия убили!
Но народ волнуется.
Одни говорят:
За что? Он же еще ребенок!
Другие говорят:
Правильно!
На то он и царевич Дмитрий!
Господи! — подумал я.
Еще на прошлой неделе
царевича показывали по телевиденью.
И он был живёхонек.
Господи! — подумал я.
Что теперь будет!

(№ 36, л. 135)

ЗАКАТ

Я не примирюсь,
не упрашивайте меня!
Ей-богу, не примирюсь!
не уговаривайте!
Нет, нет,
никогда не примирюсь!
И не думайте!
Нельзя же примириться!
Понимаете!
Никак нельзя!
Нельзя!
Нельзя!
Просто невозможно примириться
с наглостью заката,

дразнящего меня
оранжевым, желтым, малиновым
и лиловым,
дразнящим меня красным, —
будто я бык.

Нет,
просто невысказано примириться
с этим закатом, считающим себя
тореадором.

(№ 36, л. 154 об.)

* * *

Яблоки
в зеленой сетке
несет девочка
в белом пальто
Мимо проносится велосипедист
в красивом тумане.
За ним несется его синяя тень

Яблоки
в коричневой сетке
несет женщина
в сером пальто
Мимо с большой скоростью проносится вело-
сипедист
в красной куртке.
За ним,
ни на шаг не отставая,
несется его синяя тень.

Малиновые яблоки
в рыжей сетке
несет старушка
в черном пальто
Мимо на огромной скорости
проносится велосипедист
в красной шапке,
за ним, отставая метров на 100,
несется его тень
устала, видать

(№ 35, л. 39 об.)

ИЗ АНКЕТЫ

В счастливом мире
до потопа

я был веселым троглодитом
и добродушным мастодонтам
я за ушами щекотал

но
был потоп.

(№ 36, л. 27)

ПЬЯНЫЕ ДЕРЕВНИ

Утром еду по Руси на грузовичке.
Вдоль шоссе
стоят пьяные деревни.
Все избы покосились —
ни одна прямо не стоит.
— Что же это творится! —
говорю я шоферу, —
все деревни с утра пьяны,
а праздника нет!
— В праздник они и вовсе перепьются —
отвечает шофер —
все избы попадают набок
ни одна стоят не останется.
— Остановитесь, пожалуйста, у магазина, —
говорю я.
Вхожу в магазин,
покупаю «маленькую»
и выпиваю ее прямо из горлышка.
Пьяный
еду по Руси на грузовичке.
По сторонам шоссе
стоят совсем трезвые деревни.
— Всё ясно, — думаю я, —
чтобы не останавливать машину
водку надо брать с собой.

Август 61 — 7.9.68

(№ 37, л. 1)

ПАРЯЩИЙ ДУХ

Я увидел свой дух
парящим

распластав свои длинные крылья
он парил
высоко надо мною
он парил
в синеве небесной

наконец-то мой дух
воспарил!
мой уставший дух
воспарил!
поглядите
как он парит!
Как прекрасно
его парение!

Отчего же мой дух воспарил?
Просто так воспарил, беспричинно.
Воспарил безо всякого повода.

О, я счастлив —
безумно счастлив —
Я увидел свой дух парящим!
(№ 35, л. 50)

* * *

Я с этим не согласен!
— но почему
почему ты с этим не согласен
что за каприз?
но отчего
отчего ты не согласен
все же согласны!
да согласишься ты,
чего тебе стоит!

нет
я всё же с этим не согласен
я ни с чем не согласен!

— ну и ладно
ну и оставайся несогласным
ну и насыщайся своим несогласием
ну и упивайся им
ну и одевайся в своё несогласие
ну и укрывайся им
как одеялом!

чёрт с вами
я согласен!
со всем согласен!
— вот и чудесно!
вот и замечательно!
просто великолепно!

правда все уже не согласны
но ты не смущайся —
не стыдись своего согласия
привыкай к своему согласию
примиришь со своим согласием
приспособься
и обходи стороной несогласие
от соблазна держись подальше
несогласие так заманчиво
ты же знаешь.

30.8.81

(№ 35 (?), л. 55 об.)

* * *

Да, участь физиков поистине трагична.
На днях один из них,
отнюдь не бесталанный,
с задумчивой, загадочной улыбкой,
съел голову свою
и вытер губы
платочком клетчатым.
Подумать даже страшно?
Что если все они
давно уж без голов!
Чем думают они? —
Подумать страшно!
А лирикам все гораздо проще.
И голова у них большая редкость.
У лириков же головы редки.
Им проще.

(№ 36, л. 33 об.)

* * *

я сумасшедший
и живу в сумасшедшем доме

нет
это не так
я сумасшедший
но живу как ни странно на свободе

нет
я ошибся
я не сумасшедший
но живу почему-то в сумасшедшем доме

нет
это нелепо
я не сумасшедший
и я совершенно свободен

да да
я в своем уме
и я абсолютно свободен

впрочем и это
не совсем верно
я слегка не в себе
и не вполне свободен

но как я завидую
истинным сумасшедшим
живущим в подлинном сумасшедшем доме
вы не представляете!
(№ 35, л. 79)

ВАРИАЦИЯ ОБ УТЕШЕНИИ

Среди всех утешений
Предпочитаю простейшие —
    Поймаю Жар-птицу
    И сразу утешусь.
Найду бесценные клад
    И тут же утешусь.

Не утешайте меня.
Не трудитесь.
И так утешусь.
(№ 35, л. 37)

* * *

Когда в переполненном автобусе
мне грешному
безгрешный ангел наступает на ногу
я
содрогнувшись от внезапной боли,
мгновенно возвращаюсь к первоистокам всего сущего
но взгляд мой продолжает скользить
по старческим лицам проноссящихся мимо домов
натываясь на эркеры и балконы
задевая за кронштейны и капители
проваливаясь в зияющие дыры подворотен
вот оно — наказание

за грехи мои тяжкие!
вот оно — воздаяние
за леность и себялюбие
оно — справедливое и неминуемое
Возмездие

Безгрешный но тяжелый ангел
говорит мне «простите»
но я его не прощаю
нет, нет — говорю я —
это мне надо просить прощенья
у вас, мой ангел
и у всех пассажиров этого автобуса
и всех прохожих на этой улице
и у всех голубей
сидящих на карнизах проносящихся мимо домов
и у всех телеантенн
торчащих на их крышах

а что вы натворили? —
спрашивает ангел испуганно
о, говорю я —
даже говорить-то стыдно

Я...

(№ 35, л. 77)

* * *

Отчего вы так боитесь смерти?
умереть не так уж и страшно
умереть не так уж и плохо
умереть не так уж и глупо
умереть не так уж и сложно
умереть даже приятно
умереть даже полезно
умереть никогда не лишне
умереть никогда не мешает
спросите у мертвых —
они вам скажут
понапрасну вы опасаетесь смерти
опасайтесь бессмертья!
с ним хлопотно

(№ 35, л. 66 об.)

ПЕРЕД ЗЕРКАЛОМ

Друг мой
разве ты не умер?

Разве это не твой был гроб
такой добротный
обитый розовым шелком?
не твой?
как странно!

Разве не ты в нем лежал
такой красивый и безмятежный

Разве не тебя отпевали
в Преображенском соборе
в чудный весенний день?
не тебя?
не может быть!

Разве это не тебя похоронили
у Серафимовского кладбища
в тихом уютном месте?
не тебя?
а ты не шутишь?

Разве не над тобою
плакала какая-то женщина
бледная от горя?
И разве это не ты
позабыт так быстро,
позабыт всеми на свете?
А ты не шутишь?

Так значит ты жив
друг мой

Какая приятная новость!
Неожиданная к тому же!

Но чей же тогда был гроб?
Но кто же тогда в нем лежал?
Но кого же тогда отпевали?
Но кого же тогда хоронили?
и над кем же
над кем же
плакала эта бледная и прекрасная женщина
И кто же тогда позабыт?
Скажи мне?

(№ 35, л. 46)

ПОСЛЕДНЯЯ ПЕРЕПРАВА

Милости просим! —
улыбнется мне Харон

и я сойду в лодку
держась за ее борт
садитесь поудобнее! —
    скажет Харон
и я сяду на корму
сложив на коленях руки
поплыли! —
    объявит Харон
и я стану глядеть
в мутно-желтую воду
подплываем! —
    провозгласит Харон
и я увижу угрюмый
каменистый берег
платите! —
    потребует Харон
и я положу обол
в сухую старческую ладонь
вылезайте! —
    прикажет Харон
и я выйду на берег
оглядываясь по сторонам
вам прямо, потом налево —
    объяснит Харон
и я побреду по тропинке
между темных гладких камней
будьте осторожны! —
    крикнет Харон —
тропинка очень скользкая!
какой милый старик! —
    подумаю я —
и лодка у него
что надо!

28.12.80

(№ 35, л. 58)